

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
“Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ: ЛИТЕРАТОР, РЕЛИГИОЗНЫЙ ФИЛОСОФ,
СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТАТОР”: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

AN INTERNATIONAL SCHOLARLY CONFERENCE
“D.S. MEREZHKOVSKY AS MAN OF LETTERS, RELIGIOUS
PHILOSOPHER, AND SOCIAL EXPERIMENTATOR”: THE OUTCOME
AND PERSPECTIVES

21–23 апреля 2016 г. кафедра восточноевропейской культурологии Института специальной и межкультурной коммуникации Варшавского университета совместно с Институтом литературы Болгарской академии наук и при активном участии сотрудников ИМЛИ РАН, включённых в научный комитет (О.А. Коростелева, Д.М. Магомедовой, В.В. Полонского), провела в Варшаве масштабную конференцию, посвящённую 150-летию со дня рождения и 75-летию со дня смерти Д.С. Мережковского (1865–1941), который вошёл в историю мировой культуры как религиозный мыслитель, общественный деятель, литературный критик, переводчик, но прежде всего – писатель. В одной из статей А.А. Блок настаивал: “<...> говоря о Мережковском, едва ли можно упустить из виду то, что он художник. А это очень важно”¹. В.Э. Вацуру, в свою очередь, объективно отмечал: “<...> Мережковский написал очень много, работал в литературе 50 лет, и его биография – по существу, есть история движения символистов, а полемика вокруг его сочинений – история взаимодействия и размежевания двух литературных эпох. В этом качестве не выступает даже Блок, при всей разнице масштабов дарований”². Мережковский состоялся как автор, широко известный не только в России, но и за её пределами. Его книги переведены на десятки языков. Т. Манн, по собственному признанию, вообще не убирал со стола беспримерной работы Мережковского о Н.В. Гоголе, а Г. Брандес еще в 1903 г. назвал юбиляра одним из наиболее видных представителей России.

Творческое наследие Мережковского, отличающееся разнообразием форм, не уместится в рамки не только литературного, но и культурного поля. Неудивительно, что к нему обращаются гуманитарии всех мастей: литературоведы, лингвисты, философы, историки, культурологи, искусствоведы. Организаторам конференции удалось привлечь ведущих специалистов в области современного мерезжковсковедения из Болгарии, Венгрии, Германии, Грузии, Италии, Канады, Латвии, Литвы, Польши, России, Тайваня, Украины, Черногории, Чехии и скомпоновать довольно насыщенную программу. Отобранные доклады составили несколько проблемных полей.

* * *

Первая секция была сосредоточена вокруг вопросов *самоидентичности и саморепрезентации писателя*. Анализируя “стратегию самосотворения” во втором прижизненном “Полном собрании сочинений” (1914) Мережковского, А.А. Холиков (Москва) рассмотрел сведения, представленные в “Автобиографической заметке”, как источник и контекст всего 24-томного издания. Сопоставив опубликованные варианты данного эгодокумента и впервые реконструировав по черновой рукописи (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384) наиболее значимые пассажи, не вошедшие в окончательный текст заметки, исследователь аргументировал вывод, из которого следует, что Мережковский сознательно согласовывал автобиографический и художественный тексты, реализуя свой тезис о том, что лучшая из автобиографий – это литературные произведения. В докладе было также продемонстрировано, что лакуны, выявленные в “Автобиографической заметке”, обусловлены не только стремлением к краткости, на которое ссылался сам Мережков-

¹ Блок А. Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 245.

² Цит. по: Вацуру В.Э. Материалы к биографии. М., 2005. С. 417.

* * *

ский, но и потребностью писателя скорректировать собственный облик, сложившийся в сознании современников к 1913 г., и создать “парадный” автопортрет.

Основным материалом для выступления В.В. Полонского (Москва) «Стратегии Д.С. Мережковского по завоеванию европейского литературного рынка в 1900-е годы: ранние методы саморепрезентации и западные “агенты влияния”» послужили эпистолярные и иные неизданные и до сих пор не введенные в научный оборот документы (в том числе ранее неизвестный перевод претекста “Автобиографической заметки”) из французских архивов графа М.Э. Прозора (видного российского дипломата из поляков, критика, переводчика и популяризатора во Франции наследия Х. Ибсена), позволившие проследить впечатляющую последовательность, с какой Мережковский, приобщая своего влиятельного европейского корреспондента к “новому религиозному сознанию” (“Главному”), более чем прагматично использовал его для завоевания разных секторов парижского литературного рынка и формирования своего писательского “образа” для международного читателя. Как убедительно показал учёный, Мережковский первым из русских писателей рубежа веков с 1900 г. начал системную работу по налаживанию контактов с ведущими французскими периодическими изданиями (“*Mercure de France*”, “*Journal des Débats*”, “*Revue des Deux Mondes*” и др.) и издательскими домами, искал выход на наиболее влиятельных критиков и переводчиков “со связями” в европейском литературном истеблишменте. Посредниками в этом деле ему служили зачастую жившие в Европе критики, переводчики и политические деятели – франкофоны, по большей части русского и польско-литовского происхождения (С. Ржевуский, С. Перский, И. Гальперин-Каминский, З. Васильева, Т. де Вижева (Вижевский) и др.). В докладе В.В. Полонского были пунктирно обозначены такие смежные темы, как влияние европейской популярности Г. Сенкевича на западную рецепцию Мережковского – исторического романиста, параллелизм между популяризацией во Франции Мережковского и скандинавских представителей “нового искусства” и др.

В заключение секции Г. Бобилевич (Варшава) в докладе “Дмитрий Мережковский. Иконография портретов” представила анализ известных изображений Мережковского на разных уровнях организации иконического текста (тематическом, смысловом, формальном), обусловленного контекстуально и эстетически.

Три следующих подряд заседания посвящались творческому наследию писателя в контексте религиозно-философской культуры и различных социальных практик.

В докладах Н. Андрич (Подгорица) «Мессианские идеи и роль интеллигенции в романе Дмитрия Мережковского “Антихрист. Петр и Алексей”» и М. Кшондзер (Любек) “П.Я. Чаадаев в оценке Дмитрия Мережковского (в контексте религиозно-философских концепций Серебряного века)” с разных сторон актуализировалась проблема сущности русской интеллигенции как в исторической (в том числе литературной) ретроспективе, так и в новейшее время. В частности, М. Кшондзер обратилась к высказываниям Мережковского о личности и творчестве П.Я. Чаадаева в свете собственных взглядов проповедника “нового религиозного сознания” на будущее России; Н. Андрич указала на отклики мессианских идей (их значимость для русской интеллигенции демонстрировалась анализом художественных образов Тихона и Алексея) в современной русской общественной мысли в попытках её национальной самоидентификации.

В докладе Е.А. Андрущенко (Харьков) “Белинский, Гоголь, Грядущий Хам и желтолицые позитивисты” была предложена оригинальная концепция, в соответствии с которой “Грядущий Хам” (1906) глубже и точнее может быть понят на фоне исследований Мережковского о Белинском (“Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции”, 1915), Гоголе (“Гоголь и черт. Исследование”, 1906), футуризме (“Еще шаг Грядущего Хама”, 1914) и китайской литературе (“Желтолицые позитивисты”, 1895). Благодаря привлечению к анализу статьи её “окружения” в прижизненных собраниях сочинений писателя исследователю удалось, с одной стороны, рассмотреть “Грядущий Хам” как один из элементов творческого сознания Мережковского, а с другой – обойти аллюзии с постсоветской действительностью, к которым эта статья подталкивает. Избегав политического дискурса, Е.А. Андрущенко размышляла сугубо филологически, путем уяснения семантики слов и словосочетаний, представляющихся ключевыми для названных исследований писателя (позитивизм, мещанство, вечная середина, хам, раб и др.), а также выявления общего литературного и библейского интертекста в них. В результате на первый план выдвинулась мысль о том, что в “Грядущем Хаме” речь идёт о личности, освещенной религиозным светом.

К тексту “Грядущего Хама”, но уже в связи с другим вопросом – о ценности культуры и её трансформации в условиях революции – обратилась О.В. Пчелина (Йошкар-Ола) в докладе «От “Грядущего Хама” к “Царству Антихриста”»: Д.С. Мережковский о трансформации культуры в условиях революции». По её словам, позиция, заявленная Мережковским (энергия обезбоженной массы и агрессия общественного “дна” отзовутся волной “хамства” и приведут к “Царству Антихриста”), прозвучала в унисон Н.А. Бердяеву, но в контраст В.Я. Брюсову, воспринявшему разрушительные силы как духовное обновление (“Грядущие Гунны”, 1904), и А.В. Луначарскому, который видел в революции средство для отрицания религиозного смысла творчества в пользу “живого творчества масс” (“Об искусстве и революции”, 1906).

В сообщении У. Церняк (Ченстохова) «“Вижу – меркнет Божья вера, тьма полночная растет...”». Мережковский и старообрядцы» предметом осмысления стала история отношений Мережковского со старообрядцами, возбуждавшими живой интерес писателя как в жизни (путешествие в поисках “града незримого”. Китежа на озеро Светлояр), так и творчестве. В отношении последнего была рассмотрена поэма о протопопе Аввакуме, отрывки из которой попали в народные песенники и сборники старообрядческих стихов.

Л.Ф. Луцевич (Варшава) в докладе «“Лицом к лицу...”»: две встречи Дмитрия Мережковского» выдвинула гипотезу о том, что случай Мережковского остро ставит вопрос о границах социального института литературы в целом и способности писателя не только реагировать на давление политического поля, но и осуществлять “вылазки” на его территорию. В центре доклада оказался опыт личного общения Мережковского с политиками XX века, отразившийся в очерках “Иосиф Пилсудский” (1920) и “Встреча с Муссолини: Из книги о Данте” (1937), которые не просто поражают неприкрытым сервизмом, но по сути представляют опыт символической рецепции личностей диктаторов. Стремление писателя найти реального мецената, которого он мог бы интеллектуально опекать, имея уже значительный художественный опыт “совмещения” и “разведения” функций интеллигента и политика в ряде литературных персонажей, объясняется и навязчивой идеей свергнуть большевизм, и желанием выгодно продать свой труд ради элементарного жизнеустройства.

Последний доклад, в котором творчество Мережковского рассматривалось бы в контексте политики, истории и религии, сделала А.В. Савина

(Вологда), выступив с сообщением «“Полюбить чудовище”»: Д.С. Мережковский о Ж. Кальвине и “деле Сервета”». Она прокомментировала отражение известного “дела Сервета” в одном из поздних произведений писателя – очерке “Кальвин” (1938) из трилогии “Реформаторы” и провела мысль о том, что этот сюжет был интересен Мережковскому с точки зрения и “субъективной” (Кальвин как “путевая веха, обозначающая шестствие Духа”), и объективной актуальности (аналогии с эпохой Кальвина могло вызывать установление репрессивных политических режимов в Европе 1930-х гг.).

* * *

Биографические и творческие связи Мережковского с современниками (в диалогах и контраверсиях) объединили семь выступлений второго дня конференции. В жанре подробного историко-литературного комментария был выстроен доклад Д.М. Магомедовой (Москва) «“Одичание – вот слово...”»: Мережковский в “Записных книжках” Александра Блока», об оставленном без исследовательского внимания отклике в записных книжках А.А. Блока (ноябрь 1915 г.) на статью Мережковского “Духа не угашайте” (Биржевые ведомости. 1915. 16 (29) октября. № 15151. С. 3) и включенную в “Невоенный дневник” (1917). Отмечая губительность войны для культуры, Мережковский усматривает в “убыли культуры” предвестие разрушения современной христианской цивилизации и указывает на опасность наступления нового варварства. Единственный путь к спасению культуры – непрерывность её развития. Блок в своей заметке описывает “одичание”, отсылая к картинам современного Петербурга и умонастроению российского общества, отказываясь от спасительных рецептов. По утверждению Д.М. Магомедовой, в сложном диалоге Блока и Мережковского на протяжении 1903–1920 гг. этот эпизод – несчастный случай совпадения позиций по отношению к проблеме “культура и война”.

Запутанные и до конца не изученные отношения Мережковского и З.Н. Гиппиус легли в основу сразу двух сообщений. И. Крыцка-Михновска (Варшава) в сообщении “Дмитрий Мережковский в дневниках и воспоминаниях жены” реконструировала психологический портрет писателя, составленный его супругой. Сравнительный анализ эгодокументов позволил сделать вывод о мифологизированном образе Мережковского как дальновидном политике, выдающемся религиозном писателе и пророке. Т. Йовович (Подгорица) в докладе “Жизнетворческая поэтика Д. Мережковского и З. Гиппиус: жить всегда против течения

быта”, в свою очередь, попыталась взглянуть на брачно-творческий союз супружеской пары глазами современников.

Об отражении духовных исканий Мережковского в симфонии “Кубок метелей” и романе “Серебряный голубь” А. Белого рассказала Е.В. Кузнецова (Москва). Исследовательница предпочла не углубляться в биографический подтекст, а сосредоточилась исключительно на творческом диалоге-споре писателей как интересном примере плодотворного взаимодействия религиозно-философской и художественной мысли, что было значимой тенденцией в русской литературе Серебряного века.

Доклад З.Д. Давыдова (Торонто) “Волошин и Мережковский” основывался на материалах архива М.А. Волошина, хранящегося в Пушкинском Доме (ИРЛИ РАН). Отсутствие переписки между Волошиным и Мережковским несколько обедняет возможность представить их отношения более полно, однако ученому удалось по имеющимся источникам выстроить некий сюжет, проследив за которым, можно обнаружить немаловажные штрихи в писательском облике каждого из двух авторов. Особенно неожиданным представляется упоминание о Мережковском в письме Волошина к А.М. Петровой от 11 декабря 1900 г.: «Читаете ли Вы “Воскресшие Боги” Мережковского? Я так и подпрыгнул, когда прочел у него мои мысли и мои впечатления, которые я считал такой ересью, что боялся и высказывать» (цит. по тезисам З.Д. Давыдова).

М. Цимборска-Лебода (Люблин) в докладе «“Прискорбный промах”? Между Дионисом и грамматикой: Мережковский – Пушкин – Вяч. Иванов» задалась вопросом о роли Мережковского как интерпретатора культурных текстов близких ему “вечных спутников” (Пушкин, Достоевский, Ницше, Гёте), и подробно остановилась на стиле восприятия их творческого наследия. Непосредственным предметом рассмотрения – и исходным моментом исследования – стала трактовка фрагмента пушкинского стихотворения “В начале жизни школу помню я...”, задавшая образец его понимания и соотносимая с *episteme* эпохи. В поле обсуждения попала также полемическая по отношению к истолкованию Мережковского интерпретация данного текста в обзорной статье Вяч.И. Иванова 1912 г. Сопоставляя смысловые и методологические позиции двух писателей, М. Цимборска-Лебода отметила герменевтическое усилие Иванова корректно понять смысл “женообразного демона” в соответствии с *intentio auctoris* пушкинского произведения и в противо-

положность принципу контекстуального чтения у Мережковского. Диалог сопоставляемых интерпретаций обнаружил дополнительный аспект разногласий в отношениях между корифеями русского символизма.

Наконец, в контексте предшествующей и последующей интерпретаций образа св. Франциска Ассизского А.А. Медведев (Тюмень) в сообщении «Св. Франциск Ассизский в творчестве Д. Мережковского и русская “францискиана” (Достоевский, Розанов, Дурьлин)» представил Мережковского как одного из первооткрывателей этого святого в русской культуре, который оказал непосредственное влияние на становление религиозно-философской “францискианы” Серебряного века.

* * *

Последний тематический блок конференции вывел на обсуждение проблем *рецепции личности и творчества Мережковского в России и за рубежом*.

А.И. Федута (Вильнюс) в докладе «Наш ответ Мережковскому! (“Павел Первый” Д.С. Мережковского и “Двенадцать молодых из табакерки” Вс.В. Иванова)» привёл примеры того, как драма Мережковского провоцировала своеобразные “ответы” писателю его советских “оппонентов”. Одним из самых талантливых и ярких стал исторический трагифарс Вс.В. Иванова. Автор “Бронепоезда 14-69” противопоставляет концепции Мережковского собственное видение событий российского прошлого, которое тоже не укладывается в рамки предлагаемой господствующей исторической доктрины.

О рецепции критики и публицистики Мережковского в пародиях начала XX века (А.А. Измайлова, В.П. Буренина, Е. Венского и др.) говорилось в докладе В.Н. Крылова (Казань). По наблюдениям исследователя, именно к концу 1900-х – началу 1910-х гг. (когда готовятся и выходят полные собрания сочинений писателя) появляется наибольшее число откликов на его творчество, в том числе комических стилизаций, эпиграмм. В ходе выступления была предложена типология данных текстов: пародии на характерные приёмы критики Мережковского; пародирование как риторический приём, включенный в статьи о нём; пародии на жизненное поведение и личностное начало, проявляемые в критико-публицистических выступлениях писателя.

С необычного ракурса к восприятию творчества Мережковского подошел Р.В. Мних (Седльце) в докладе “О языках описания русской культуры Серебряного века: случай Дмитрия Мережковского”,

предложивший применить с определенной долей условности к наследию писателя по крайней мере три дескриптивные стратегии. Речь шла об общем языке описания эпохи Серебряного века, о языке современного литературоведения и, наконец, о языке самого исторического явления (изучаемого литературного памятника). По мнению докладчика, это позволит более объёмно увидеть культуру порубежной эпохи, оценить внешние стороны произведений Мережковского с сегодняшней точки зрения и разглядеть внутреннюю форму текстов, отражающую языковые особенности автора.

В заключительную часть конференции были отнесены доклады, представляющие рецепцию творчества Мережковского в других странах. А.А. Гордин (Рига) по материалам прессы 1920 – 1930-х гг. прокомментировал характер восприятия романов Мережковского в Латвии (в то время это не только территория бывшей России, “осколок” родины для многих писателей-эмигрантов, но и часть старой Европы). Ф.В. Винокуров (Брно) рассказал о чешских изданиях Мережковского в переводах Вацлава Кёнига (Václav König, 1897–1944) под общим заглавием “Сочинения” (всего было выпущено 27 томов). О сотрудничестве русского символиста с одним из немецких издательств начала XX в. – “Пипер-ферлаг” – и об одном из аспектов влияния его изданий на немецкую культурфилософскую мысль 1910–1920-х гг. (в том числе идеологов немецкой “консервативной революции”) – рецепции концепта “земля” – речь шла в докладе О.А. Богдановой (Москва). Переводная и критическая судьба Мережковского в Италии и Болгарии была освещена в выступлениях Дж. Джулиано (Салерно) и Й. Люцканова (София) соответственно. Особый интерес у слушателей вызвали именно итальянские материалы: печатные отзывы на прижизненные переводы произведений Мережковского, новые свидетельства отношений писателя с крупными издательствами (“Venetorad”, “Mondadori”), деятелями культуры, такими как Дж. Папини (Giovanni Papini, 1881 – 1956), Э. Барфуччи (Enrico Barfucci, 1889–1966), Э. Ло Гатто (Ettore Lo Gatto, 1890–1983), и с фашистской властью. О восприятии творчества Мережковского в Азиатско-Тихоокеанском регионе рассказал А.В. Волегов (Тайбэй). А завершал программу трёхдневной конференции доклад Т.А. Гоголадзе (Гори) и Н.М. Миндиашвили (Сухуми) о Григоле Робакидзе – “соседе” Мережковского по эмиграции и литературному полю.

* * *

Многопрофильная деятельность Мережковского (творца оригинальных историософских романов; основоположника и теоретика русского символиз-

ма; критика – одного из создателей религиозно-философского литературоведения; публициста – пророка массового человека XX столетия, “грядущего Хама”; общественного деятеля и социального экспериментатора; мыслителя – выразителя идей “нового религиозного сознания”; политика – сторонника преобразований, определяемых “революцией духа”) позволила подступиться к ряду смежных проблем, таких как границы между дилетантизмом и профессией, политико-религиозный комплекс писательства в России и эмиграции, (не)зависимость Мережковского от своих автопортретов и моделирование персонажа как самосбывающееся пророчество во внефигуральном мире, консервативный авангард и (ре)актуализация Средневековья и Ренессанса. Все они требуют дальнейшей проработки.

Однако более насущной задачей современного мерезковсковедения, по единогласному признанию участников конференции, остается текстологическая подготовка творческого и эпистолярного наследия писателя. На сегодняшний день мы имеем только массовые и научно-массовые собрания его сочинений. Выпуск полного академического собрания – дело будущего, которое осложняется тем, что до сих пор отсутствует исчерпывающий перечень всего, что было написано и опубликовано Мережковским, не составлена подробная летопись жизни и творчества писателя (существующие хроники – только первый шаг на этом пути). В то же время работа по научному изданию основного корпуса произведений писателя и его писем (в 20 томах) уже ведется под эгидой двух академических институтов (ИМЛИ и ИРЛИ РАН). Консолидация научных усилий в данном направлении и привлечение к работе коллег из других учреждений (МГУ имени М.В. Ломоносова, Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды) позволяют надеяться, что задачи, поставленные на этом этапе, будут успешно решены.

*А.А. Холиков,
доктор филологических наук,
доцент Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы,
д. 1, стр. 51
aakholikov@gmail.com*

*Alexey A. Kholikov,
Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor at the
Lomonosov Moscow State University,
1-51 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia
aakholikov@gmail.com*

Сдано в набор 27.04.2016 г.	Подписано в печать 01.07.2016 г.	Дата выхода в свет 23.08.2016 г.			
Формат 60 × 88 ¹ / ₈	Цифровая печать	Усл. печ.л. 10.0	Усл.кр.-отт. 2.7 тыс.	Уч.-изд.л. 10.0	Бум.л. 5.0
	Тираж 260 экз.	Зак. 413	Цена свободная		

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: ФГУП Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Оригинал-макет подготовлен ФГУП Издательство «Наука»
Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099 Москва, Шубинский пер., 6